

Библиографический список

- Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков при Абу-л-хайр-хане // Государство кочевых узбеков. М., 1965.
- Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск, 1990.
- Здор М.Ю., Татауров С.Ф., Тихомиров К.Н. Археологическая карта Муромевского района Омской области. Омск, 2000.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. СПб., 1994.
- Конигов Б.А., Шваан Ф.Д. Исследование Кипских курганов // Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1983.
- Могильников В.А., Колесников А.Д., Куйбышев А.В. Работы в Прииртышье // Археологические открытия 1976. М., 1977.
- Могильников В.А., Конигов Б.А. Могильник потчевашской культуры в Среднем Прииртышье // Советская археология. 1983. №2.
- Оборин В.А., Чагин Г.Н. Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль: Альбом. Пермь, 1988.
- Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984.
- Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
- Татауров С.Ф. Археологические памятники на р. Кунлук // Новое в археологии Среднего Прииртышья. Омск, 2003.
- Татауров С.Ф., Тихонов С.С. Средневековые древности Тарского Прииртышья (генезис, хронологическая принадлежность, культурно-этническая интерпретация) // Археология, этнография, антропология Евразии. 2019. Т. 47. №1.
- Татауров С.Ф., Тихонов С.С., Чудаков Д.В. Могильник Алексеевка I // Материалы по археологии Обь-Иртышья. Сургут, 2001.
- Тихонов С.С. Возможные миграции с бассейна Оби на Тару // Средневековые древности Западной Сибири. Омск, 1995.
- Худяков Ю.С., Кочеев В.А., Моносов ВМ. Балтарганские находки // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Археология и этнография. 1996. №3.
- Чагаева А.С. Могильники в окрестностях деревни Айткулово Омской области // Из истории Сибири. Вып. 5. Томск, 1973.
- Дети неба: древний клад Верхнего Сузуна. URL: <https://nat-geo.ru/science/history/deti-neba-drevnij-klad-verhnego-suzuna/> (дата обращения: 27.09.2020).

УДК 903.5:39(517)

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.40

В.В. Тишин

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан Удэ, Россия

К ИЗУЧЕНИЮ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ КОЧЕВНИКОВ МОНГОЛИИ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО ВРЕМЕНИ

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда
(проект №20-78-10037 «Ранние тюрки Центральной Азии:
междисциплинарное историко-археологическое исследование»)

Автор статьи обращается к рассмотрению вопросов погребальной обрядности у кочевнического населения Монголии древнетюркского времени в связи с привлечением малоизвестных сведений китайских источников. Кроме упоминания известных данных о погребальных обычаях у тюрков (кит. *ту-цзюэ* 突厥), на которых автор не останавливается, он обращает специальное внимание на свидетельства китайских авторов касательно погребальных практик у соседствовавших с тюрками других кочевых племен. Несмотря на то что относительно племен, искусственно объединенных китайскими хронистами под названием *те-лэ* 鐵勒 / *тэ-лэ* 特勒, в источниках в целом упоминается, что они, в отличие от тюрков, практиковали труположение, имеется два свидетельства касательно племен *се-ань-то* 薛延陀 / 薛延陀 и *ту-гу* 僕骨 / 僕固, что представители их элиты после смерти

подверглись трупосожжению. Свидетельство касательно второго племени коррелирует с недавними результатами археологических раскопок кургана Майхан-Уул (Шороон Бумбагар-II), где были обнаружены погребенные сожженные человеческие кости. По мнению автора, эти сведения, относящиеся к трем разным племенам, позволяют предполагать, что обряд трупосожжения практиковался не только у тюрков, но и среди других племен и, вероятно, в отношении прежде всего представителей элиты.

Ключевые слова: древние тюрки, Тюркский каганат, кочевники, погребальная обрядность, китайские источники

Вопрос о погребальной обрядности кочевого населения древнетюркского времени (VI–X вв.) давно обсуждается в науке, поскольку имеет принципиальное значение для понимания этногенетических процессов в истории региона в рассматриваемый исторический период. Эта эпоха, начавшаяся с возвышения племени *тюрк* (кит. *туцзюэ* 突厥), возглавившего крупное политическое объединение, характеризуется доминированием на пространствах Центральной Азии носителей тюркских языков. Об этом мы можем судить, в частности, по оставленным ведущими племенными группировками (тюрки, уйгуры, кыркызы) первым письменным источникам кочевых народов, известным как памятники древнетюркской рунической письменности. Хотя мы не можем быть уверены, что все остальные известные из источников населявшие Центральную Азию племена также говорили на тюркских наречиях, нельзя пока что-то уверенно сказать и о том, насколько значительно они отличались в культурном плане.

Период господства племени *тюрк*, как известно, характеризуется прежде всего распространением на территории Центральной Азии и в сопредельных регионах погребений по обряду трупоположения с конем. Китайские источники, описывая погребальный обряд, присущий собственно представителям этого племени, говорят о трупосожжении, не сообщая никаких достоверных сведений об обрядности других племен, при этом никаких убедительных признаков такой практики на тех памятниках, которые могли бы быть соотнесены с тюрками, археологически не зафиксировано. Попытки примирить возникающие таким образом противоречия письменных источников с данными археологических раскопок предпринимались неоднократно, и, разумеется, ключевое значение имел вопрос об атрибуции погребений с конем (см.: [Трифонов, 1973, с. 354–361; Нестеров, 1990, с. 67–70]). В настоящее время принято считать, что последние характеризуют именно погребальную обрядность, присущую тюркам.

В настоящей работе мы не можем углубляться во все многократно дискутировавшиеся проблемы, однако ставим себе цель вернуться к вопросу о практике трупосожжения у тюрков.

Из таких китайских источников, как «Чжоу шу» 周書 (цз. 50) и «Суй шу» 隋書 (цз. 84), несколько расходящихся в деталях, а также «Бэй ши» 北史 (цз. 99), объединяющем оба повествования, мы в целом знаем, что тюрки изначально сжигают (*фэнь* 焚) умершего с его конем, затем оставшийся пепел в определенный день предают земле (*цзан* 葬) [Цэнь Чжун-мянь, 1958, с. 501, 504, 518–519]*. Информация этих источников аутентична [Ecsedy, 1984, p. 279–281] и не может быть подвержена никакому сомнению.

Хорошо известны и другие свидетельства о трупосожжении у тюрков.

Так, «Суй шу» 隋書 (цз. 53) содержит сообщение, помещенное под 582 г., когда после одной не завершившейся для них успешом военной операции тюрки «на ме-

* Здесь и далее источники цитируются нами, в основном, по книге Цэнь Чжун-мянь, при этом мы удаляем знаки препинания, расставленные китайским исследователем. В иных случаях, когда специально указывается страница китайского источника, нами используется издание «Цинь-дин сы ку цюань-шу хуэй яо» 欽定四庫全書薈要.

сте боевых действий предали огню (*фэнь* 焚) трупы, оплакали и ушли» (*юй чжань-чу фэнь ши тун-ку эр* 於戰處焚屍慟哭而去) [Цэнь Чжун-мянь, 1958, с. 49].

В «Цэ-фу юань-гуй» 冊府元龜 (цз. 125) и «Синь Тан шу» 新唐書 (цз. 215а) содержится эпизод, когда осенью 628 г. сам император Тай-цзун 太宗, рассуждая о начавшихся среди тюрков бедствиях из-за внезапных холодов и падежа скота, отметил: «их обычай [в том, что] умерших следует предавать огню (*фэнь* 焚), с этого дня строят могилы (*фэнь-му* 墳墓), отвернулись от их предков предписаний, это то, что называется неуважение к душам покойников» (*ци су сы-цзэ фэнь чжи цзинь ци фэнь-му бэй ци фу-цзу чжи мин цы со-вэй бу-цзин гуй-шэнь е* 其俗死則焚之今起墳墓背其父祖之命此所謂不敬鬼神也) [Цэнь Чжун-мянь, 1958, с. 178–179, 614]. В «Синь Тан шу» 新唐書 (цз. 215а), характеризуя ситуацию после поражения тюрков в 630 г., китайский хронист отмечает, что «тюрки прежде столкнулись с мором, от Великой стены к югу, оставшиеся непогребенными (*пу-гу* 暴骨) [лежат] подобно холмам, компетентные власти их посредством вина и мяса приносят жертву, чтобы они были погребены (*и-цан* 瘞藏)» (*ту-цзюэ ван фэн-ли и чан-чэн чжи нань, пу-гу жу цю ю-сы ци и цзю ту цзи вэй и цан чжи* 突厥往逢癘疫長城之南暴骨如丘有司其以酒脯祭為瘞藏之) [Цэнь Чжун-мянь, 1958, с. 616].

Эти два эпизода получили различное толкование. Одни видят здесь указание на то, что сообщение о трупосожжении относится к элите, впоследствии перешедшей также к характерному для рядового населения обряду трупоположения с конем [Кызласов, 1960, с. 52–53, прим. 2; Кызласов, 1969, с. 18, 181, прим. 5]. Другие говорят о ситуативном вынужденном изменении обряда, характерного для всех слоев общества, отмечая, в частности, касательно второго эпизода, что «трупы не успевали сжигать, и только» [Гумилев, 1967, с. 260–261, прим. 9]. Ю.И. Трифонов [1973, с. 364–365] уже обращал внимание на то, что любая из этих интерпретаций имеет право на жизнь, при этом не отрицая распространения у тюрков именно обряда трупосожжения. Касательно первого эпизода И. Эчеди допускала оба варианта – и то, что отмеченные непогребенные кости могли характеризовать какие-либо другие племенные группировки, входившие в состав армии тюрков, и то, что произошедшее масштабное происшествие не дало возможности кочевникам похоронить своих собратьев. По замечанию венгерской исследовательницы упоминание в отношении тюрков трупосожжения и возведения холмов или курганов не вызывает противоречия [Ecsedy, 1984, p. 277], и когда танский император говорит об отступлении тюрков от обычаев предков и начале практики возводить холмы или курганы, здесь подразумевается тот факт, что жившие на границе с Танской империей тюрки уже переняли китайский обычай возведения храмов, вероятно, для каких-то важных лиц, что даже в самом Китае практиковалось в исключительных случаях [Ecsedy, 1984, p. 280–281]. Д.Г. Савинов [1984, с. 56] склонился к первой точке зрения, отметив, однако, что смена обряда у тюрков, если она и имела место, не могла произойти внезапно, и здесь, вероятно, наблюдается длительный процесс взаимного культурного влияния тюрков, чья элита еще сохраняла обряд трупосожжения, и покоренных телэских племен, практиковавших трупоположение с конем (ср.: [Stark, 2008, s. 102–103]).

Последним сообщением касательно тюрков является упоминание в «Синь Тан шу» 新唐書 (цз. 215а) обряда погребения умершего в 634 г. в Танской империи Се-ли 頡利 кагана: «...приказано знати (*го жэнь* 國人) похоронить (*цзан* 葬), следуя их правилам, сжечь (*хо* 火) труп, воздвигнуть (*ци* 起) [могильный] курган (*чжун* 冢) к вос-

току от реки Ба» (*чжао го-жэнь чжан чжи цун ци ли хо ши ци-чжун ба дун* 詔國人葬之從其禮火屍起冢灞東) [Цэнь Чжун-мянь, 1958, с. 617].

Между тем имеются еще сведения о других племенах.

Племена *те-лэ* 鐵勒 (или в позднем варианте записи *тэ-лэ* 特勒) представляли собой достаточно разношерстный конгломерат.

Большую путаницу в понимание исторических процессов внес тот факт, что посттанские историки, хотя и знали о многочисленности различных степных племен, объясняя наименование *те-лэ* 鐵勒, которых сами никогда не видели, следуя летописной традиции, и провели искусственную связь с древними *чи-лэ* 敕勒 и позднейшими *те-лэ* 鐵勒, информацию в «Цзю Тан шу» 舊唐書 о которых наравне отдельной главой (цз. 199б) поместили в главу об уйгурах (цз. 195). Они объединили между собой разнородные сообщения. Уже в «Вэй шу» 魏書 (цз. 103) говорится о преемственности между *гао-чэ/цзюй* 高車 и *чи-лэ* 敕勒; затем последних «Тун дянь» 通典 (цз. 197) осмысляет как правильный вариант написания *те-лэ* 鐵勒, а их самих при этом возводит к *сюн-ну* 匈奴; «Цзю Тан шу» 舊唐書 (цз. 195) не упоминает о варианте *чи-лэ* 敕勒, но наравне с *те-лэ* 鐵勒 использует еще форму *тэ-лэ* 特勒, что ближе к позднесреднекитайскому произношению. В итоге составители «Синь Тан шу» 新唐書 (цз. 217а) вовсе объединили несколько сообщений, включив к тому же в раздел об уйгурах повествование о *те-лэ* 鐵勒, что вслед за «Тун дянь» 通典 трактуется ими как ошибочное написание *чи-лэ* 敕勒. Таким образом, получилась линия преемственности *сюн-ну* 匈奴 – *гао-чэ/цзюй* 高車 – *чи-лэ* 敕勒 – *те-лэ* 鐵勒/*тэ-лэ* 特勒 – *хуэй-хэ* 回紇 [Цэнь Чжун-мянь, 1958, с. 682, 715; Малявкин, 1981, с. 28, 84, комм. 29], что в последующем запутало многих историков.

Об обычаях племен *те-лэ* 鐵勒, впервые фиксирующихся в «Суй шу» 隋書 (цз. 84) и «Бэй ши» 北史 (цз. 99), в этих источниках говорится, что при общем сходстве обычаев с тюрками некоторое отличие состоит в том числе в том, что «умерших предают земле (*букв.* ‘хоронят в гробу’) (*сы-чжэ май бинь-чжи* 死者埋殯之) [Цэнь Чжун-мянь, 1958, с. 677–678, 679]. В «Тун дянь» 通典 (цз. 199) и «Тай-пин хуань-юй цзи» 太平寰宇記 (цз. 198), где, как и в указанных более ранних источниках, отмечается обычай новобрачного пребывать в семье его жены до рождения ребенка, однако, ничего не говорится об отличиях в погребальной обрядности [Цэнь Чжун-мянь, 1958, с. 683, 693].

Следующий пример хорошо иллюстрирует тот факт, что эти племена не нужно рассматривать как какое-то гомогенное сообщество, а скорее именно собирательное название племен, объединенных искусственно китайскими авторами на основе как общности образа жизни и хозяйственного уклада, так и того факта, что все они оказались под властью тюрков [Боровкова, 1992, с. 101].

Так, источники описывают обычай одного из таких племен – *ду-бо* 都波/都播. Согласно «Тун дянь» 通典 (цз. 199), «умер когда кто-то, деревянный сундук наполняют трупом, оставляют в горах, возможно, подвешивают на дереве, провожая в последний путь, тихо плачут, в некоторой степени на тюрков похоже» (*сы-ван и му-гуй шэн ши чжи шань-чжун хо сюань юй шу шан сун-цзан ку-ци люэ юй ту-цзюэ лэй* 死亡以木櫃盛尸置山中或懸於樹上送葬哭泣略與突厥類). Не сильно отличается описание в «Тай-пин хуань-юй цзи» 太平寰宇記 (цз. 198), но здесь вместо иероглифа *шэн* 盛 ‘наполнять; набивать; накладывать’, ‘заключать (содержать) в себе, вмещать’, начертан *чэн* 乘 ‘садиться в.../на...; ‘грузиться в.../на...’, ‘подниматься (взбираться) на...; восхо-

дить на...», что позволяет своеобразно интерпретировать иероглиф 棺. В «Синь Тан шу» 新唐書 (цз. 2176) такое описание: «Умерших в деревянном гробу хоронят, помещают среди гор, либо привязывают на дерево; провожая в последний путь, тихо плачут, в некоторой степени с тюрками одинаковы» (сы и му-ду лянь чжи шань-чжун хо си юй шу сун-цзан ку-ци юй ту-цзюэ тун 死以木槨斂置山中或系於樹送葬哭泣與突厥同) [Цэнь Чжун-мянь, 1958, с. 744, 745, 747].

Нам известны два случая обряда трупосожжения у степных племен Монголии.

Так, «Тан хуэй яо» 唐會要 (цз. 96) содержит упоминание о похоронах правителя се-янь-то 薛延陀 / 薛延陀 Чжэн-чжу Пи-цзя 真珠毗伽 кагана, который умер в 645 г., не ранее чем в 9-й месяц (26.09 – 25.10.645) (см.: [Цэнь Чжун-мянь, 1958, с. 238, 1002]). Когда это случилось, «все прибыли, чтобы принять участие в похоронах, сожгли труп (фэнь ши 焚屍) и оплакивали (цзу-ку 卒哭) (цзе лай хуэй цзан фэнь ши цзу ку 皆來會葬焚屍卒哭) [Цэнь Чжун-мянь, 1958, с. 216].

Согласно версии биографии Пу-гу Хуай-энь 僕固懷恩 в «Цзю Тан шу» 舊唐書 (цз. 121, с. 17а), после того как он умер, «подчиненные в соответствии с родными обычаями предали огню (фэнь 焚) и похоронили (цзан 葬) его» (бу цюй и сян фа фэнь эр цзан чжи 部曲以鄉法焚而葬之).

Это сообщение о представителе племени пу-гу 僕骨 / 僕固 важно, поскольку первым археологическим свидетельством существования обычая кремации у элиты номадов древнетюркского времени стала находка в кургане Майхан-Уул (Шороон Бумбагар-II), вероятно, также связанном с представителем этого племени. Там при раскопках был обнаружен деревянный гроб, содержащий обернутый шелковой тканью короб 80×40 см, в котором находились шелковая сумка с сожженными остатками человеческих костей и обернутые шелком золотые предметы [Erdenebold, 2017, p. 31].

Ничего определенного нельзя сказать о погребальных обрядах уйгуров. Единственное известное нам описание обычаев уйгуров встречено в зороастрийском тексте «Айādгār ū Джāmāспīg», где рассказано о «тюрках» (*Turkān*), являющихся манихеями: ‘When they die, they throw (their dead) in forests’ (*Ka mīrēnd ō wēšag abganēnd*) [Cereti, 2013, p. 198, 199]. Однако, этот эпизод требует специального рассмотрения.

Мы не могли углубиться в ряд затронутых вопросов, заслуживающих более подробного обсуждения в деталях, однако, как кажется, приведенные сведения о погребальной обрядности различных племен демонстрируют тот факт, что обряд трупосожжения имел место не только среди тюрков, но, по меньшей мере, также у се-янь-то 薛延陀 / 薛延陀 и пу-гу 僕骨 / 僕固. При этом такая практика, как вытекает из цитированных источников, имела место в отношении представителей элиты. Такое соображение не противоречит тому, что другие слои общества могли использовать иные практики захоронения, даже в рамках одной племенной общности. Хотя сегодня достоверно имеется лишь одно археологическое подтверждение существования практики трупосожжения представителей элиты, оно не может отрицаться только на основе того факта, что другие подобные случаи археологам неизвестны.

Библиографический список

- Боровкова Л.А. Проблема местоположения царства Гаочан (по китайским источникам). М., 1992.
Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1967.
Кызласов Л.Р. Тува в период Тюркского каганата (VI–VIII вв.) // Вестник МГУ. Сер. IX: Исторические науки. 1960. №1.

Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969.

Малявкин А.Г. Историческая география Центральной Азии (материалы и исследования). Новосибирск, 1981.

Нестеров С.П. Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск, 1990.

Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984.

Трифонов Ю.И. Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени (в связи с вопросом о структуре погребального обряда тюрков-тугю) // Тюркологический сборник. 1972. М., 1973.

Cereti C.G. Some Passages on Turkic Peoples in Zoroastrian Pahlavi Literature // Journal of Persianate Studies. 2013. Vol. 6 (1–2).

Ecsedy I. Ancient Turk (T'u-chüeh) Burial Customs // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1984. T. XXXVIII. Fasc. 3.

Erdenebold L. Preliminary Excavation Findings from Shoroon Bumbagar, Ulaan Kherem, Mongolia // Interaction in the Himalayas and Central Asia: Processes of Transfer, Translation and Transformation in Art, Archaeology, Religion and Polity: Proceedings of the Third International SEECHAC Colloquium, 25–27 Nov. 2013, Austrian Academy of Sciences, Vienna. Vienna, 2017.

Stark S. Die Alttürkenzeit in Mittel- und Zentralasien. Archäologische und historische Studien. Wiesbaden, 2008.

Цэнь Чжун-мянь 岑仲勉. Ту-цзюэ цзи ши 突厥集史. Пекин, 1958.

УДК 903.53

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.41

А.В. Харинский

Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия

ЗАХОРОНЕНИЯ САЯНТУЙСКОГО ТИПА В ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ УЛУСА ДЖУЧИ

В XIII в. у населения южной части Байкальского региона формируется единая погребальная практика, которую можно определить как монгольский погребальный ритуал имперского периода, или захоронения саянтуйского типа. Его характеризуют несколько элементов: могильная яма с вертикальными стенками; сооружение над могильной ямой каменной конструкции (плоские овалы кладки, круглые курганообразные насыпи); индивидуальные захоронения; труположение вытянутое на спине, руки вдоль туловища; наличие деревянной внутримогильной конструкции (колода, ящик, рама); ориентировка ориентация погребенных на север или северо-восток. Вместе с монгольскими завоевателями этот погребальный обряд проникает в Восточную Европу, где становится одним из отличительных элементов их культуры. Незначительное количество на территории Восточной Европы захоронений XIII–XIV вв., выполненных по саянтуйским канонам, свидетельствует о небольшом количестве непосредственно монголов, оставшихся на территории Улуса Джучи после завоевательных походов. Наличие в этих захоронениях богатого сопроводительного инвентаря позволяет судить о высоком социальном статусе его владельцев.

Ключевые слова: Байкальский регион, монголы, имперский период, Золотая Орда, погребальный ритуал, культурное влияние, захоронения саянтуйского типа

В начале XIII в. в долинах Селенги, Онона и Аргуни формируется единая погребальная практика, которую можно определить как монгольский погребальный ритуал имперского периода. К середине XIII в. он уже распространяется по значительной части степного ареала Евразии, становясь в некоторых районах или доминирующим, или оказывающим существенное влияние на местные погребальные традиции. Его характеризуют несколько элементов: сооружение могильной ямы с вертикальными стенками; каменные надмогильные кладки овальной или круглой формы; индивидуальные захоронения; труположение вытянутое на спине, руки вдоль туловища; деревянная